

18+

Людмила Грицай

Серенада мегаполиса

психологический детектив

Людмила Грицай

Серенада мегаполиса

«Издательские решения»

Грицай Л.

Серенада мегаполиса / Л. Грицай — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981350-3

На что способен человек, ослепленный гневом? Можно ли в таком состоянии совершить преступление? В предлагаемой читателям истории главный герой погибает из-за того, что невольно своими поступками вызывает у окружающих негативные эмоции. Личность преступника предстоит установить следователю Дмитрию Владимирову. Однако разгадка этого происшествия становится для всех неожиданной. Рассказ «Серенада мегаполиса» десятый и последний в ряду цикла «Дыхание мегаполиса».

ISBN 978-5-44-981350-3

© Грицай Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Будничные заботы	6
Глава 2. Утренняя тишина	7
Глава 3. Буря и пламень	8
Глава 4. Будни и праздники	10
Глава 5. Неподдельное горе	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Серенада мегаполиса

Людмила Грицай

© Людмила Грицай, 2024

ISBN 978-5-4498-1350-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Будничные заботы

Ноябрьский вечер пронзал тело тысячами холодных иголок. Ветер гудел какие-то заунывные песни, нагоняющие тоску.

Глеб Анатольевич, в этот неурочный час возвращаясь домой, неожиданно для себя подумал о том, что спальный район столицы мало чем отличается от таких же спальных районов других, менее знаменитых городов. И стоило тогда уезжать из родного Воронежа с его темными вечерними улицами и громадой многоэтажек, чтобы оказаться в Москве, с избытком наполненной и темными дворами, и бесконечной вереницей высотных зданий. Просто того и другого здесь было в десятки раз больше.

Но мысли путались в голове, и чувствовал себя Глеб Иголкин скверно. Голова кружилась, сосало под ложечкой, внутренности сжимались от ощущения липкой тошноты. «Эх, перебрал я с алкоголем, а зачем? Зачем хвастался? Значимость свою хотел показать, но кому и что показывать? Дурак, одним словом».

С трудом поднявшись на лифте к своей квартире, Иголкин стал открывать дверь ключом. Но его опередили, дверь приоткрылась, и на пороге он увидел свою жену.

Одного взгляда Ксении было достаточно, чтобы вызвать в Глебе еще больший приступ самоукорения, что, однако, не помешало ему сказать что-то резкое, быстро раздеться и уйти в ванну. Ксения вздрогнула, обиделась, но обиду сдержала. Чувство дурноты не утихало, поэтому от позднего ужина Глеб отказался. Решил выпить снотворного и пойти спать.

Заснул быстро, снилось что-то очень тяжелое, непреодолимое, кошмарное. Сны мучили, давили, а к утру стихли. Как будто бы и не было ничего. Совсем ничего.

Глава 2. Утренняя тишина

Будильник прозвонил, как всегда, в шесть утра. Ксения Иголкина силой воли заставила себя подняться с постели. Голова была тяжелая, как у совершенно не выспавшегося человека. И немудрено – легла спать она в третьем часу ночи. Да и как легла! Со слезами, с мыслями о том, что Глеб, которого она столько лет так преданно любила, превращается на ее глазах в совершенно чужого ей человека. Да и где он вчера был! Неужели кого-то себе присмотрел? А мало ли их – этих наглых молодых девиц у него на работе! Бегают, ножки свои из-под коротких юбок показывают, мечтают уцепить мужчину посолиднее. И должность все это проклятая! А ведь она радовалась, что мужа сначала сделали ведущим специалистом, а потом доверили ему отдел возглавлять! А теперь – плакать от всего этого хотелось! Вот он уже по вечерам приходит пьяный, разговаривать не хочет, грубит.

Ксения с горечью глянула на мужа и отвела глаза. Смотреть в его сторону было неприятно. Она пошла к детям, которые мирно спали в соседней комнате на широкой двухъярусной кровати, посмотрела на их умиротворенные лица, ушла на кухню, занялась приготовлением завтрака и вдруг вспомнила, что муж еще не встал с постели. Он же опоздает на работу!

Ксения мгновенно оказалась в спальне, прикоснулась к Глебу, чтобы разбудить, но в ужасе отпрянула. Тело было удивительно холодным. Она поняла, что произошло неправимое.

Глава 3. Буря и пламень

– Товарищ майор, вас ждет Анатолий Александрович, уже звонил два раза, просил вам сообщить, что, как только из управления вернетесь, сразу к нему.

– Спасибо, понял, – отозвался Владимиров на слова дежурного.

Через пять минут он был уже наверху. В глазах его начальника читалась некоторая нервозность. Он быстро поздоровался и также быстро сообщил Владимирову, что ему поручается заняться новым расследованием.

– Что за дело, товарищ полковник?

– Сейчас соберешь опергруппу, выедете на место, все узнаете. Вкратце скажу, что в семье одного из моих друзей произошло горе – погиб при невыясненных пока обстоятельствах его зять. Честный нормальный мужик, 37 лет. Работал в департаменте информационных технологий. Был на хорошем счету. Должность недавно новую получил. Умер неожиданно. Вскрытие показало, что причиной смерти стало обильное внутреннее кровотечение. Но погиб он не от естественных причин. Его отравили. И, скорее всего, чем-то вроде «Варфарина». Это препарат на основе крысиного яда.

Полковник замолчал. И на его холемом чисто выбритом лице отразился неподдельный гнев.

– Эх, жаль, я сам не могу это дело вести. А то нашел бы этого подлеца или подлюку, что его на тот свет отправили. Что они, с ума посходили! Ядом, для крыс предназначенным, людей травить! Ты извини, Владимиров, видишь, я нервничаю. Это после 25 лет службы. Знаю, что ты можешь это дело до суда довести. Так что все карты тебе в руки. Я о Ковалеве сначала подумал, но потом решил дело тебе поручить. Ковалев – он у нас карьеру строит, а ты клубки заумные распутывать умеешь. Так что давай – работай. Из оперов бери себе в помощь кого хочешь – хоть Левина, хоть этого Жилкина. Нужны будут еще люди – дам. И еще... Ксения – дочь моего друга – теперь, получается, вдова. С ней будь поделикатнее. Это все вчера случилось. Она еще от шока не отошла.

– Понимаю, товарищ полковник, – отозвался Владимиров. – Разрешите приступить?

– Иди, – устало проговорил начальник, – я на тебя надеюсь.

Владимиров в задумчивости спустился в свой кабинет. Новое дело явно не сулило ему ничего хорошего. Еще одно убийство, мотивы которого могут быть самыми разнообразными, еще одна нелепая и преждевременная смерть, в обстоятельствах которой ему теперь необходимо будет разбираться.

Впрочем, майору было не привыкать. Он давно уже понимал, что «работает на земле», среди реальных людей, способных подчас на такие поступки, от которых даже ему после стольких лет службы становилось не по себе.

Поэтому первое, что сделал Владимиров, спустившись в свой кабинет, он поздоровался с Егором Левиным и ввел его в курс дела.

– Конечно, опять тебя припрягли, а меня к тебе пристегнули, – произнес Егор, деловито отхлебывая чай из выдавшей вида чашки. – Кого они там отравили? Чиновника какого-то? Теперь нам с тобой бегать по Москве, искать всех любовниц этого убиенного, его друзей и недругов.

– Как всегда, – улыбнулся Владимиров, – вдвоем всегда веселее искать. – Кстати, начальник расщедрился, Жилкина нам с тобой дать обещал.

– Что... Этого? – Левин недовольно поморщился, – да я как вспомню, какие он нам в прошлый раз выверты устраивал, так ничего с ним общего иметь не хочу.

– Да нет, не скажи, уже и время с тех пор прошло, а парню расти надо, что старое помнить. Зови его, будем совещание проводить.

– Ладно, – проворчал Егор, – но только будь любезен сам тогда его контролируй, мне не поручай. А то знаешь, мне с этой зеленой да ретивой молодежью как-то не по пути.

Через полчаса Владимиров уже проводил оперативное совещание. Левин все еще хмурился и молчал, а вот Жилкин по-мальчишески радовался. После того, как он ненароком попал в беду, ведя вместе с Владимировым одно из расследований, ему стали поручать уж совсем «бесцветные» дела, а тут настоящее убийство, и мало того – отравление. К тому же молодой лейтенант отчего-то очень заужал майора, полагая, что у того есть настоящие дедуктивные способности, поэтому он был очень горд, что его включили в опергруппу по этому новому «делу».

– Получается, что в настоящий момент мы располагаем только результатами вскрытия? И знаем только самую основную информацию о личности убитого? Так тогда надо к жене его поехать – поговорить, – предложил Жилкин.

– Да, вдова у нас теперь одна из главных свидетелей, – согласился Владимиров, – я уже переговорил с ней по телефону, но она просит до похорон ее не беспокоить, не может пока найти в себе силы на встречу с нами. Поэтому опрашивать придется ближайшее окружение Иголкина на работе. Также у него есть родственники в Воронеже, приятели, друзья. Нужно найти как можно больше сведений об этом человеке, и тогда, быть может, мы сможем выйти на его убийцу.

– То есть вы предполагаете, товарищ майор, что преступление совершил кто-то из окружения Иголкина? – еще раз спросил Жилкин.

– Скорее всего, да, – отозвался Владимиров, – неумышленное отравление исключать совсем нельзя, но вряд ли оно имело место быть. Убийство по ошибке случайным человеком тоже, скорее всего, не то. Корыстный умысел я тоже исключаю: если бы его убили с целью ограбления, то нашли другой способ. Думается, что отравил его, вероятно, тот, кто с ним выпивал в тот вечер, ведь у него нашли высокий процент алкоголя в крови. Поэтому вам, Арсений, поручается завтра проследить маршрут Иголкина по камерам видеонаблюдения или иными способами. У него в телефоне геолокация, возможно, была. Вдруг удастся что-нибудь найти. Хотя и вероятность этого невелика.

– Есть, товарищ майор, – отозвался Жилкин.

– А мы с капитаном Левиным попробуем побеседовать с его сослуживцами. Организация серьезная. Может, что и узнаем.

Глава 4. Будни и праздники

Хотя Владимиров по своему служебному положению спокойно мог остаться в рабочем кабинете и поручить всю оперативно-розыскную работу Левину и Жилкину, он не стал этого делать. Кабинетная работа без реального взаимодействия с местом преступления, людьми, вовлеченными в этот процесс, родственниками, друзьями, знакомыми, как правило, была для майора слишком трудна. Он умел делать нужные выводы в непосредственном общении с потерпевшими, о многом догадывался и большую часть информации понимал с помощью интуиции и хорошего знания внутреннего мира разных людей. Причем часто на разгадку его наталкивали случайные обстоятельства. Но их нужно было еще увидеть в бесконечном потоке людских лиц, слов и поступков, а это требовало непосредственного участия во всех оперативно-розыскных мероприятиях.

Поэтому на следующий день Владимиров и Левин оказались на непосредственном месте службы так нелепо погибшего Иголкина.

Внутри здание департамента поражало свежим и несколько преувеличенным ремонтом, которого никогда не увидишь в отделении полиции, больнице или любом учреждении образования. Светлые и ухоженные кабинеты, коридоры с мягкими креслами и кофемашинами – все здесь должно было внушать мысль о том, что деятельность чиновника – это весьма прибыльное занятие, а саму судьбу «государевых слуг» можно назвать вполне успешной.

В 9:15 утра внизу у пункта охраны сотрудников полиции уже встречала приятная женщина лет тридцати пяти с внимательным взглядом острых голубых глаз из-под очков в круглой оправе.

– Доброе утро, – вежливо поздоровалась она. – Я – Татьяна Андреевна Васильева, заместитель Глеба Анатольевича.

Владимиров отметил про себя, что последние слова женщина произнесла с некоторым трудом. К тому же, несмотря на улыбку, в ее облике чувствовалось неподдельное волнение, однако тщательно скрываемое ею. Чуть опухшие глаза, темные круги на лице, тщательно замазанные косметикой, выдавали ту внутреннюю тревогу, в которой она, вероятнее всего, находилась.

Спутница предложила Владимирову и Левину подняться на 2 этаж, где их ждал начальник департамента, желающий лично встретить полицейских. Впрочем, визит к начальству носил, скорее, формальный характер. Перед Владимировым и Левиным предстал высокий человек спортивного телосложения, прекрасно ухоженный и одетый, но с каким-то скучающим выражением на лице. Он отметил, что все сотрудники потрясены внезапной смертью работника, который зарекомендовал себя только с положительной стороны, и надеются на скорые результаты расследования.

Потом Васильева провела майора и капитана в отдел, который возглавлял Иголкин. В отделе было всего восемь сотрудников. Это были ровесники погибшего – относительно молодые люди до сорока лет, одетые в хорошие дорогие костюмы, вежливые, вышколенные, но не высказывающие никаких особых переживаний по поводу смерти их руководителя. Краткие беседы с ними подтвердили догадку майора – сотрудников отдела мало интересовал Иголкин как человек и еще меньше как начальник. Особого уважения или интереса к нему они не проявляли, знали общую информацию о том, что родом он был из провинции, закончил там университет, приехал в Москву, обзавелся семьей, смог устроиться в мэрию на рядовую должность и дорос до должности начальника отдела.

Майор понял, что единственным человеком здесь, который знает о Иголкине больше остальных, является та самая Татьяна Андреевна, которая утром встретила их с Левиным и незаметной тенью сопровождала в течение дня. Поэтому он оставил Егора проводить опросы

других сотрудников, а сам предложил Васильевой поговорить с ним наедине в небольшом кабинете Иголкина.

Татьяна Андреевна согласилась. Вдвоем они вошли в кабинет, и Владимиров сел в кресло погибшего. Татьяна пристроилась рядом.

Несколько секунд они молчали. Было видно, что женщина тщательно обдумывает что-то, ее явно мучили сомнения. Владимиров решил помочь решиться на откровенный разговор.

– Вам трудно, Татьяна Андреевна, трудно не показывать своего горя, ведь Глеб Анатолевич был вам дорог?

Женщина кивнула и постаралась сдержать слезы, которые показались на глазах.

– Да что теперь скрывать, – как-то безнадежно бросила она. – Глеб умер, знаете, еще вчера я бы стгоряча пожелала его больше никогда не увидеть, а вот сегодня плачу, потому что его больше нет. Эх, все начиналось с такого вот незначительного служебного романчика. Я ведь одна, разведена давно, 37 лет – карьера в норме, но ни мужа, ни детей. Вот и нахожу иногда... друзей. И в этот раз все начиналось легко. Цветы, рестораны после работы. У него семья, я не вмешивалась в его жизнь, ничего не просила. Так встречались. Но тут...

– Расскажите мне о нем, его увлечения, друзья, враги...

– Да, попробую, но я многое не знаю, – вздохнула женщина, и на ее лице отразилось искреннее переживание. – Мы вообще как-то мало знаем, живем, работаем, сплетничаем, а друг другом в сущности не интересуемся. Рассматриваем как функцию: ты мне должен это сделать, а должна это.

Женщина замолчала, видимо, усилием воли заставляя себя вспомнить что-то важное.

– Вы знаете, мне очень нравилось, когда он курил. Он курил и думал, и его лицо, его карие глаза становились такими внимательными, будто он внутрь себя смотрел. Маску, что ли, свою привычную снимал. Что-то живое в нем проявлялось, настоящее. Он вообще осторожный был, общался со всеми ровно, к делу подходил с умом, так что недругов явных не было. О друзьях я тоже мало что слышала. Вроде ни с кем особо близко не сходилась. А вот что любил – и не знаю. Музыка вроде любил, даже выступал где-то в студенческие годы. Но я его с микрофоном в руках никогда не видела. Он вообще солидным умел быть, к начальству приспособиться, понравиться кому нужно.

– Татьяна Андреевна, а почему вы не спрашиваете, отчего Глеб Анатолевич умер?

Женщина посмотрела на Владимирова с удивлением.

– Нам сказали, что это был сердечный приступ, но вызван каким-то лекарством сильным. А что, разве нет так?

– Почти. Но его отравили ядом. Это несколько экстравагантно для сегодняшнего дня.

– Ядом? – на лице Васильевой обозначилось удивление. – Как можно ядом? С кем это он ел-пил? Он даже кафе-рестораны особо не жаловал, когда мы с ним там еще бывали, выбирал самые отдаленные районы, а потом уж и перестал приглашать. И подвозить меня на своей машине не стремился, так, отъедет в сторону от работы, я к нему в машину запрыгну, довезет меня до моей квартиры, там часик побудет и домой к жене. А живу я недалеко от него.

– Он всегда ездил на машине?

– Почти всегда, но иногда оставлял ее на парковке у здания департамента. Не знаю уж почему, спускался в метро и так вот добирался до дома.

Владимиров понял, что всю основную информацию возлюбленная Иголкина ему уже рассказала, что позволяло понять, как и где работал погибший. Майор еще раз взглянул на его кабинет и заключил, что ничего нового он не узнает. Все было дорогим, немного помпезным, но абсолютно безликим, даже фотопортреты действующего президента и мэра столицы на стене выглядели, скорее, как банальность.

Поэтому майор еще раз высказал слова соболезнования Васильевой и молча вышел.

Уже на улице ему подмигнул Егор:

– Ну что? Как тебя дама? С любовницей мы уже познакомились? Верно?

– Верно, – вздохнул Владимиров, – но только знаем от этого знакомства немного, не думаю, что это она. Такие не травят, обижаются, расстаются, но...

– Он для нее проходящий. Так, номер в списке, – отозвался Егор. – Ты понимаешь, после пятой новой женщины все они как-то сливаются в одно лицо, один характер, главное, перестаешь различать.

Владимиров поднял глаза на своего товарища. Несмотря на крепкую дружбу между ними, Егор редко рассказывал ему о своих глубинных любовных переживаниях, а тут его будто что-то задело самого.

– Знаешь, вот смотрю я на тебя, ведь у тебя, майор, даже любовницы нет, а живешь – не тужишь, детей воспитываешь. Правильный ты, может, поэтому все у тебя в жизни ладно. А я – как перекасти поле – маюсь и никак себя не найду. Глянул я на эту Татьяну – такая же она перекастиха, ведь останется тоже одна, как я. И что ты будешь с этим делать?!

Владимиров промолчал. Он и сам понял, что связь Глеба Иголкина была непрочной. Для него Васильева была некой ППЖ – так во время войны называли походно-полевых жен, тех, кто компенсировал фронтовым начальникам отсутствие рядом близкой любящей женщины. Многие заводят легкие интрижки на работе, чтобы работать было веселее и проще, вот и их потерпевший не исключение.

А между тем в отделении полиции их возвращения с нетерпением ждал Арсений Жилкин.

– Товарищ майор, разрешите доложить! – бойко начал он. – Вы мне поручили проследить за маршрутом Иголкина в день его отравления.

– Поручал. Ну как, лейтенант, получилось что-то узнать?

– Немногое. Он обычно на машине на работу приезжал, оставлял ее на служебной стоянке, вечером также обратно. Но в этот день приехал почему-то на метро. Вышел с работы в 19:30, было уже, конечно, темно, поэтому я камеры даже особо не смотрел, но геолокация у него на телефоне была, сделал я запрос, смог установить, что он на метро проехал пару остановок, вышел и пошел к Старому Арбату. Гулять, видимо, стал.

– Долго гулял? – заинтересовался Владимиров.

– Гулял два часа, потом снова в метро и домой. Больше нигде не останавливался. Это пока все, но ведь мы уже имеем место его нахождения.

– Это неплохо, Арсений, – согласился Владимиров. – Теперь бы хорошо посмотреть камеры видеонаблюдения по Арбату, может быть, увидим мы нашего погибшего на них. Так что продолжайте работать.

– Товарищ майор, еще...

– Что?

– Я тут, пока вас ждал, биографическую справку на погибшего составил. Вам прочитать?

– Справку мы могли бы и сами сделать. Опять вы торопитесь, Жилкин. Прямо впереди паровоза бежите. Ну да ладно. Читайте вашу справку.

– Сейчас. У меня пока немного. Я просто подумал, а вдруг сам погибший нам подскажет, кто его убил.

И Жилкин, едва заметно запинаясь, начал читать: «Иголкин Глеб Анатольевич, 1981 года рождения, место рождения – город Воронеж. Закончил среднюю школу №34, поступил на факультет информационных технологий Воронежского университета. Занимался музыкой, был членом популярной в Воронеже группы „Анемия“, вел концертную деятельность. После окончания вуза переехал в Москву, создал семью, работал...»

И Жилкин повторил уже знакомые Владимирову вехи рабочей биографии Глеба Иголкина.

Владимиров слушал своего молодого коллегу и думал. Что сказать, типичный путь, похожий на судьбы многих людей. Однако что-то в этой судьбе было нестандартным. Только что? Да вот хотя бы путь от музыканта в чиновники. Почему Иголкин бросил занятия музыкой, если они ему нравились и создавали ощущение востребованности, почему не попробовал себя на музыкальном поприще в столице? Пусть бы дело не пошло. Ежедневно покорять Москву приезжают огромное количество талантливых, способных и откровенно бездарных провинциалов. Конечно, большинство из них не реализуют взлелеянной «столичной мечты», потом они либо возвращаются в родные города, либо оседают в мегаполисе на иных работах. Но люди пытаются что-то сделать, обивают пороги музыкальных студий, ходят на всевозможные кастинги, а этот молодой человек даже не попробовал? Почему? Догадался, что не получится? Не верил в возможность успеха? Решил заняться чем-то более прибыльным?

Ход мыслей Владимиров прервал вопрос Жилкина:

– Товарищ майор, мне, может быть, еще что-то на этого погибшего поискать? Я ведь готов и в Воронеж съездить! Говорят, что это большой красивый город! А еще у меня там троюродная тетька живет!

– погоди пока в Воронеж, лейтенант, ты мне еще здесь понадобишься, да и командировочные для встречи с этой тетей тратить наша бухгалтерия не согласится! – чуть насмешливо отозвался Владимиров, и потом добавил более серьезно: – Давайте, Арсений, вернемся к изучению камер видеонаблюдения на Старом Арбате. Как мне помнится, их там немало, может, что-то и найдем.

Глава 5. Неподдельное горе

– Ты его видел? – возмутился Левин, когда Жилкин вышел из кабинета выполнять порученное задание. – Отчего он такой? Во все дырки лезет. Это ты у нас гуманист, жалеешь его, а я бы на твоём месте...

И Левин сделал выразительный жест около шеи рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.